
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ

И. Г. ТАМРАЗОВА¹

Московский политехнический университет

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЭРИСТИКА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье в инновационной перспективе представлен теоретический анализ феномена эристики как коммуникативно-семиотической категории, характеризующей определенное состояние культуры в контексте социальных трансформаций и коллизий. Методологически эристика представляется автором как эвристический метод и семиотическая форма мышления и выражения, как интеракциональная категория речевого взаимодействия, как особый тип интенциональности и определенная стратегия плана содержания и плана выражения, выражающаяся в тональности дискурса. Рассматриваются отдельные примеры функционирования единицы эристической дискурсивной тональности – эристеми – в литературном тексте, намечаются перспективы исследования рассматриваемой категории.

Ключевые слова: эристика, эристический дискурс, заумь, постмодерн, семиотика, дискурсивная тональность, дискурсивная провокация, смешное

I.G. TAMRAZOVA

Moscow Polytechnic University

CULTURAL ERISTIC AND ITS REFLECTION IN LITERARY TEXTS

The article considers a theoretical analysis of phenomenon of eristic as a communicative-semiotic category characterizing a certain state of culture in the context of social transformations and conflicts. Methodologically, the author presents eristic as a special heuristic method and a certain strategy of plan of content and plan of expression, expressed in the tonality of discourse. The author also studies some examples of functioning of the unit of eristic discursive tonality – eristeme – in the literary text as well as the prospects of their further research.

Keywords: eristic, eristic discourse, abstrusity, postmodern, semiotics, discursive tonality, discursive provocation, the amusing

---

¹ Илона Геннадьевна Тамразова, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Московского политехнического университета

Культура – противоречивый феномен, вбирающий в себя различные фазы исторического развития нации и межнационального взаимодействия. Противоречивость культуры обусловлена её исторической и пространственной динамикой, взаимными переходами социальных слоев и их трансформаций, синхронической «сшибкой» их самоидентификаций, диахроническим перетеканием общества из одной эпохи в другую. Противоречия обостряются на стыке эпох, что порождает новые феномены и слои в архитектонике национальной и мировой культуры. Например, настоящее отмечено печатью глобализации, которая предлагает утилитарную, прагматичную, тоталитарную модель мировой культуры, некую «кумулятивную модель цивилизации», отличающуюся своей предельной «беспринципностью» [Жондаков, 2017], стремлением к минимализму в выражении и в содержании транслируемых социокультурных смыслов.

В любом переходном периоде, как, впрочем, периодически и в эпоху «стабильности», но в значительно меньшей степени, возникают различные агональные напряженности, выражающиеся в дивергентных моделях культуры. Контр-модели радикально дифференцируются, создавая диффузно-обобщенную ценностно-смысловую систему, на всех уровнях противостоящую доминирующей тоталитарной идее. «Обобщественческая», нивелирующая личность тоталитарность также дифференцируется, сталкиваясь полюсами: «тотальная демократическая» против «радикальной тоталитарности», «светская тоталитарность» против «теологической тоталитарности», «тоталитарность духовности» против «тоталитарной повседневности», «тоталитарность массовой культуры» против «тоталитарной антикультуры» и т.д. (ср. [Андрамонов, 2016; Витель, 2010]).

В этих противоречиях язык, являясь средством выражения той или агональности, переходит в особую свою ипостась, которую можно назвать *эристической*. В основе *эристического языка* лежит онтологическая категория противоречия в смысле «речи против» – дискурса, простирающегося от протестного молчания («народ безмолвствует») до протестного крика («далой!»). Проявления культурной агональности фиксируются сквозь призму эристического языка в виде текстов прежде всего философских и литературных.

Цель нашего исследования – наметить пути осознания и описания эристического семиозиса как отражения творческого «вызова», внутреннего противоречия, как овеществления порождения инновационного смысла.

Эристика – с момента зарождения в античной философии – была инструментом крайнего релятивизма, доводящего противоречие до абсолюта [Шопенгауэр, 1910]. В софистической мысли противоречие проявляется как сущность, не требующая доказательства истинности, которая, в свою очередь, «абсолютно» относительна [Рассоха, 2007].

Эристика как «искусство спора» давала возможность вывести противоречие наружу, на поверхность, превратить его в диалог, полемику, цель которой – не только победа над собеседником, как это принято полагать [Хоменко, 2011], но и опровержение абсолютной истины, невозможность однозначного суждения, абсолютное сомнение и вопрос. Поэтому гносеологическая суть эристики диалектична – *борьба* противоположностей и противоречие как *интеллектуальный драйв*, стимул к творческой мыследеятельности.

В культуре эристический дискурс обычно сопровождает либо вырвавшийся наружу социальный протест, взрывающий общественно-политический строй, либо – латентно зреющий в чреве энтропийных социальных некрозов, застойных идеологических гибернаций, нравственных идиосинкразий – взрыв культурный – интеллектуальный, парадигмальный, меняющий «химический состав» цивилизационной ноосферы. Два последних состоявшихся и завершившихся тектонических сдвига в ноосфере XX века получили подходящие им имена – *модерн* и *постмодерн*.

Эпоха модерна предлежала не только первой мировой войне, но и тем «10 дням, которые потрясли мир». Ноосфера была беременна взрывом раскрепощения, выведения социально-культурного противоречия наружу. Эристический дискурс эпохи проявился в русской культуре прежде всего в феномене *Серебряного века*.

Яркую характеристику эристичности этого времени дает И.В. Кондаков: «Размытость границ между жизнью и искусством, личностью и обществом, утопией и реальностью, здоровьем и болезнью, консерватизмом и радикализмом, серьезным и смеховым, высоким и низким, добром и злом, нравственным и эстетическим, прекрасным и безобразным, богоискательством и неверием, нормативным и релятивным (список подобных антиномических "пар" в культуре Серебряного века можно было бы продолжать до бесконечности) – все это было характерно практически для каждого поэта, критика и публициста, философа или политика начала XX века» [Кондаков, 2002, с. 60].

Особое место занимает литературная эристика.

Эристика русских авангардистов выражается и как внешний протест, например, в знаменитом манифесте «Пощечина общественному вкусу» («*Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности*»), направленном против всех – классиков, реалистов и символистов, обывателей и революционеров, против «носителей родного языка вообще» и «толпы в жизни и в искусстве» [Кондаков, 1998, с. 397]). Но их главный литературный протест выливается в их художественные тексты – *эристическое* проявляется не только как их творческое кредо, но и на уровне внутренней формы слова и/или текста – как механизм в семиотике «их языка».

Протест против конвенциональности языка, выразившийся в поэзии ОБЭРИУ, в «зауми» В. Хлебникова и сарказме Д. Хармса, дает в совокупности картину «внутренней формы» эристического литературного знака. Эристическая эпистемика рождает свою собственную семиотику. За основную единицу эристического семиозиса футуристами принимается когнитивно-семиотический акт «остранения», воплощающий «не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание видения его, а не узнавания» [Шкловский, 1970, с. 230]. В концепте остранения заложено раскрепощение от конвенциональности, навязываемой языком.

Отрицание внешней формы слова, языковая игра, противопоставление внутреннего мира миру объективному, – но не абсолютному и не совершенному, – вот эристическая интенциональность русского авангарда, его эристика плана выражения.

Эристика «интеллектуальной самости» критически трансформирует смысловое пространство, предлагая собственное видение, собственный язык, «противонакладываемый» на исходные – языковую и смысловую – формы текста.

Конечно, внедряемый в первично значимые языковые элементы вторичный «встречный» код не в силах побороть общеязыковую морфосинтаксическую семантику, однако новая «семантика сдвига», спаянная дискурсивной ритмикой и избирательностью нарратива, заставляет текст наращивать новые, необычные фоносемантические и лексико-синтагматические связи, ломая первичную семантику, делая текст сперва асемантическим, а затем взрывающимся новыми яркими ассоциативными откровениями:

*Жарбог! Жарбог!
Я в тебя грезитвой мечу,
Дола славный стаедей,
О, взметни ты мне навстречу
Стаю вольных жарирей.
Жарбог! Жарбог!
Волю видеть огнезарную
Стаю легких жарирей,
Дабы радугой стожарною
Вспыхнул морок наших дней
(В. Хлебников, 1908).*

[Хлебников, электронный ресурс, <http://stih.su/zharbog-zharbog>]

Провокативная, бросающая вызов конвенциональности, утверждающая новый «план выражения» эстетическая эристика, всегда может стать причиной неприятия, идиосинкразии, степень которой зависит от внутренней способности ума сделать противоречие нормой. Нетерпимость к таким формам обычно рассматривается как показатель отсутствия внутренней свободы, проявляющейся в прототипической детской людической жажде словотворчества и смыслопорождения, включенности в семиозис ассоциативной «автокоммуникации» [Лотман, 2000, с. 171-172].

Позитивная интерпретация «зауми» предполагает не просто «смирение» адресата и признание своего «поражения» в предлагаемых семиотических обстоятельствах. Принятие неконвенциональной, окказиональной семантики – это принятие вызова, вступление в игру, попытка адаптироваться к новой смысловой конвенциональности. Поэтому литературная эристика – эристика формы и смысла. Она порождается прототипичностью игры и превращается в игровую (эристическую) интеракцию между читателем и автором.

В.З. Демьянков раскрывает механизм интерпретации с позиций интеракциональной лингвистики. Он относит оценку адресатом намерений говорящего к одному из кардинальных видов интерпретации по параметрам успешности. Интерпретация чревата сбоями, например, «когда слушающий воспринимает комплимент как иронию или даже оскорбительное замечание» [Демьянков, 1989, с. 115]. И здесь, когда правила игры не принимаются, игровая, эстетическая эристика вызывает в ответ внутреннее раздражение или внешнюю агрессивную агональность. И даже несмотря на градуальность агональности, эристика сама по себе не может стать нормой: эристическая игра построена на понимании, вчувствовании. Для принятия «остранения» формы требуется понимание, «воление». По мнению В.З. Демьянкова, «эмпатия – не только принятие точки зрения говорящего, взгляд на вещи чужими глазами (когнитивная эмпатия), но и готовность узаконить («легитимизировать») реальные и потенциальные намерения чужой речи» Установление явных и скрытых намерений говорящего отличает интерпретацию от остальных видов обращения со знаками («кодирование – декодирование»): «понимание – деятельность, как минимум, на порядок более сложная, чем перекодировка» [там же, с. 116].

Остранение как метод приводит к созданию нового прагматического знака – *эристы* – семиотической единицы и концепта литературного **эристического семиозиса**, имеющего в основе своего семиогенеза противоречие, парадокс, «аномалию». «Самовитое слово» – это знак, означаемое которого лежит не в области референции, а в области интерпретации («интерпретантъ», по

Ч.С. Пирсу). Семантика такого знака – это прагматическая семантика, рождающаяся в результате *эвокации* (воображения) – семиотического акта, «угрожающего» не столько «лицу» адресата (по И. Гоффману), сколько его интеллектуальной и эстетической состоятельности. Новая («инновационная») создаваемая семантика знака зиждется на эристической интенциональности «семиурга» (создателя знака). В этой семиотике эристичность направлена на сам знак – на его форму и содержание.

Таким образом, единицей эристического (провокативного) семиозиса становится *эристема* – знак, означаемым которого является интенциональный акт, нарушающий конвенциональность, норму, будь то норма языка или речевого поведения, вежливости и т.д. В бытовом общении, построенном на мейозисе [Шаховский, Тахтарова, 2008], «низкая» эристика выливается в нарушение правил этикета, в речевую агрессию, в мыследеятелиности эристическая интенция – механизм креативной инновации.

Поэтому эристика как эвристический метод [Тамразова, 2016] лежит не только в основе словотворчества художника, но и определяет смыслотворчество философа.

Вторым ярким феноменом в поле эристической интеллектуальности XX века становится **постмодернизм**. По мнению И.П. Ильина, эта философия, сопряженная с философией литературы, строится на «методологическом сомнении» по отношению «ко всем позитивным истинам, установкам и убеждениям, существовавшим и существующим в западном обществе» для его «легитимизации». Тоталитаризму постиндустриального общества противопоставляется философский релятивизм и скептицизм, утверждается «эпистемологическое сомнение» в пику позитивистским представлениям о природе человеческого знания [Ильин, 1996, с. 15]. Сама идея *деконструкции* – разрушения традиционной центрированной структуры – представляется как попытка «свести с ума» (Ж. Делёз) предшествующий «тоталитарный» структурализм [Косиков, 2000], что делает главными интеллектуальными эристическими концептами постмодернизма агностицизм, децентризм, вопрошание и смех (иронию, сарказм) [Козинцев, 2013].

Однако имеет ли все это позитивный смысл? В чем смысл эристики как полного отрицания всех, всего и самого себя (ср. сократовское «Я знаю, что ничего не знаю»)? В чем смысл смеха, помимо поверхностной гелотогенности и сублимации, освобождения от страхов и стыда [Козинцев, 2008, с. 58-59; Фрейд, 1997, с. 232; 236]?

Французский постструктурализм решает эти вопросы, также, как и русский авангардизм, на уровне означающего, – но не слова или лексической метафоры, – а текста, нарратива, «рассказа» (*récit*). Поль

Рикёр показывает, как возникает параллелизм между метафорой и рассказом [Рикер, 1998]: смысловые эффекты, создаваемые и метафорой, и рассказом, связаны с одним и тем же основным феноменом – семантической инновацией. В обоих случаях эта инновация возникает исключительно на уровне дискурса, то есть на уровне речевых актов, равных фразе или превосходящих ее в текстах [Рикер, 2013].

В эристическом прототипе живой метафоры, позволяющем оставаться ей «живой», заложено *сопротивление слов*, их несовместимость на уровне буквального прочтения фразы. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «метафора – это **вызов** природе. В основе метафоры – сознательная ошибка (уловка. – *И.Т.*) в таксономии объектов» [Арутюнова, 1999, с. 382] (выделено нами. – *И.Т.*). В этом и состоит её «эристическая» инновация. Остра(н)нение остается главным механизмом и для постмодернистского текста. Вымышленная интрига в нарративе, который имеет свою непредсказуемую структурную избирательность и подчинен произволу «фикции», фантазия «возможных миров», идиолектная языковая картина мира автора – все это также эристически «соединяет несоединимое». Как и в поэтической зауми, в философском, научном и художественном нарративе семантическая инновация соотнесена с продуктивным актом инсайта и воображения, предлежащим инновационной интерпретации, и в конце концов – объяснению и пониманию. Интеракция «автор – читатель/адресант – адресат» приобретает характер эристического вызова, провокативного «речевого» контракта. Это всегда полифония голосов, это полилог в рамках ди-лога читателя и автора. Интеракциональность (и смысловая «полиорганика») – это ингерентная черта эристики во всех её проявлениях.

Эристика модерна экспрессивна, вызывающе броска и даже оскорбительна («пощечина вкусу»). Эристика постмодернистов более имплицитна, имплицитивна, нарочито запутана, тайно цинична, но также парадоксальна и абсурдна. Однако смешное здесь кажется грустным «пастишем» или «мета-иронией» («пересказ в квадрате» У. Эко). Тем не менее, есть нечто общее в иронии В. Пелевина и У. Эко с имплицитностью «смеха-стыда»¹ А. Платонова и М. Булгакова. Хотя сам Эко причислял к постмодерну даже главного «эриста-экспрессиониста» Ф. Рабле [Эко, 2002]. Ирония постмодерна – это эристика, повернутая вовнутрь, высказанная не адресату, а в присутствии адресата. Это «коммуникативный троп» в понимании интеракционалистов [Kerbrat-Orecchioni, 2008]. Эристика, в отличие от речевой агрессии, редко делает прямой выпад, но, как правило,

¹ Об этом понятии см. [Карасёв, 1996].

поражает в самое сердце. Эристический дискурс, текст не может стать жанром. Это текстовая мимикрия под жанр, например, в виде иронии или сарказма, это *тональность* коммуникативного поведения, его интенциональность. Но это всегда вызов нормам выражения и/или содержания и через них – вызов адресату – читателю, собеседнику. Литературный жанр не определяет тональность, и наоборот. Не предпринимая hic et nunc анализ крупных отрезков постмодернистского текста, приведем (без развернутого анализа) две цитаты – не из «классики» постмодерна, но «в духе» постмодернистской эристики, которая не имеет ни временных, ни жанровых «огораживаний». Эти примеры показывают простоту и универсальность, но и определенную этно-лингвокультурную герметичность эристики авторского нарратива (диалогичного и монологичного) как внутри текста, так и при его ретрансляции в переводе:

(1) « **Elle** : Tu parles bien le francais.

Lui : N'est-ce pas ? Je suis content que tu remarques enfin comme je parle bien le francais.

(Un temps.)

Lui : Moi, je n'avais pas remarqué que tu ne parlais pas le japonais. . . Est-ce que tu avais remarqué que c'est toujours dans le même sens que l'on remarque les choses ?

Elle Non. Je t'ai remarqué toi, c'est tout » (M. Duras. Hiroshima mon amour) [Duras, 1961, p. 32].

«Она: Ты говоришь хорошо по-французски.

Он: неужели? Рад, что заметила, наконец, что я хорошо говорю по-французски.

(Пауза)

Он: А я не заметил, что ты не говоришь по-японски... А ты заметила, что мы замечаем что-то всегда только в одном направлении?

Она: Нет. Я заметила тебя, и это все» (перевод наш – *И.Т.*).

(2) « Ce fut beau et impressionnant comme : un coït en plein air, un coucher de soleil sur les Monts Grampians, un K.O. de Cassius Clay, la Cinquième Symphonie de New York, la Cinquième Avenue de Beethoven, le Grand Canyon du Colorado, mon meilleur bouquin, un cheval en érection, un plateau de fruits de mer, la tirade du Cid, un dîner chez Girardet, une rétrospective Dali et la statue équestre de Jacques Chirac » [Dard, 1985, p.14].

«Это было прекрасно и удивительно, как: коитус на пленэре, закат в Грампианских горах, нокаут Кассиуса Клея, Пятая Симфония Нью Йорка, Пятая Авеню Бетховена, Великий Каньон Эльдorado, моя лучшая книжка, жеребец, готовый к соитию, тарелка с устрицами, монолог из Сида Корнеля, ужин у славного кулинара Жирандэ, ретроспектива Дали и конная статуя Жака Ширака» (перевод наш – *И.Т.*).

Памятуя, что эристема (единица эристического семиозиса) – это *противоречие, выраженное в знаке*, выделим соответствующие приведенным отрывкам эристеми.

Эристема (1): план содержания – ироническая банальность влюбленности при бесконечной имплицитности смысла; план выражения – игра плеоназмами, тавтология, делокутивность [Тамразова, 2017].

Эристема (2): план содержания – эпатаж, нонсенс, гротеск, ирония, семантический диссонанс [Тамразова, 2018]; план выражения – игра слов, ареферентность, контаминация, «книжность», градация и т.д.

Подводя итог приведенным рассуждениям, попробуем дать развернутое (дескриптивное) определение эристики и обозначим перспективы исследования эристического в культуре и языке.

Эристика всегда была и остаётся «интеллектуальным фехтованием» [Шопенгауэр, 2010], имеющим целью вызов и поражение (ср. *поразить, сразить* = удивить и т.д.) «противника» (оппонента, собеседника, читателя, человечество). В основе эристической интенциональности лежит «самовозвышение» и отрицание устоявшихся, консервативных норм. Этическая оценка эристики амбивалентна и ситуативна. Интеллектуальная (философская, литературная) эристика – это непереносимое условие воображения, изобретения; это отрицание старых форм, порождение инновационной мыследеятельности. Эристика – это особая эвристика.

Семиотика дискурсивной эристики складывается из эристической семантики (абсурд, парадокс, нонсенс), синтактики (языковые аномалии, провокативный нарратив) и прагматики в виде эристической интенциональности (иллокутивности) в совершении речевого действия. Эристема как единица эристически маркированного семиозиса включает эти три семиотических измерения, на которые накладывается функциональная типология: иконичность (проксемика, паравербалика), индексальность (интонация, жесты, дейксис), символичность («конвенциональная неконвенциональность»).

Широта семантического и функционального диапазона эристики объясняется прототипичностью этого когнитивно-психологического феномена антропологического масштаба. Исследование понятийно-семантических пересечений эристики с категориями отрицания, агональности, провокативности, агрессивности, её оппозитивности норме, мимезису, вежливости, эмпатии, конвенциональности в пространстве культуры и языка представляется нетривиальной и актуальной задачей в парадигме трансдисциплинарной интеракциональной семиотики, особенно в перспективе сопоставления этнокультур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрамонов, Д. К. Аксиологические аспекты подходов к анализу конформизма и нонконформизма как социокультурных моделей / Д.К. Андрамонов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 4(66): в 2 ч. Ч. 1. – С. 13-15.

Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

Витель, Е. Б. Инверсия смыслов в художественной культуре XX века: от антропоцентризма к «Новой художественной реальности» (на материале творчества Д. Шостаковича): автореф. дис. ... д-ра культурологи / Е.Б. Витель. – Кострома, 2010. – 50 с.

Демьянков, В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В.З. Демьянков. – Москва: Изд-во Московского университета, 1989. – 172 с.

Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – Москва: Интрада, 1996. – 253 с.

Карасёв, Л. В. Философия смеха / Л.В. Карасёв. – Москва: Российский гуманитарный университет, 1996. – 224 с.

Козинцев, А. Г. Об антиреферентивной функции языка / А.Г. Козинцев // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией. – Москва: Изд-во «Индрик», 2008. – С. 55-66.

Козинцев, А. Г. Разнонаправленное двуголосое слово: эстетика и семиотика юмора // Антропологический форум. – 2013. – №. 18. – С. 143-162.

Кондаков, И. В. Эристика в культуре XX в. / И.В. Кондаков // Культурология. XX век. Энциклопедия / Гл. ред. и сост. С.Я. Левит. Т. 2. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. – С. 394-399.

Кондаков, И. В. «Смута»: эпохи «безвременья» в истории России / И.В. Кондаков // Общественные науки и современность. – 2002. – № 4. – С. 55-67.

Кондаков, И. В. К современной философии истории / И.В. Кондаков // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. – № 4-2. – С. 221-230.

Косиков, Г. К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) / Г.К. Косиков // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – Москва: Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 3-48.

Лотман, Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Семиосфера. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. – С. 159-165.

Рассоха, И. Н. Апология софистов. Релятивизм как онтологическая система / И.Н. Рассоха. – «Электронная Библиотека Хронос», 2007. – [Электронный ресурс] – URL: <http://www.hrono.ru/libris/lib> (22.09.2018).

Рикер, П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / П. Рикер. – Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. – 313 с.

Рикер, П. Живая метафора / П. Рикер // Horizon 2 (2). – 2013: 2. Archive / Translated by F. Stanzevskiy, ed. by G. Vdovina. – P. 106-150.

Тамразова, И. Г. Когнитивное пространство эристики / И.Г. Тамразова // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 26. – С. 85-87.

Тамразова, И. Г. Делокутивность как номинативный механизм языка / И.Г. Тамразова, И.А. Преснухина // Молодой ученый. – 2017. – № 11 (145). – С. 329-333.

Тамразова, И. Г. Эристический нарратив как жанрообразующая категория художественного текста (контрастивный анализ) / И.Г. Тамразова // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. Труды и материалы международной конференции. – Казань: Казанский федеральный университет, 2018. – С. 233-237.

Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. – Москва: «Университетская книга», 1997. – 319 с.

Хлебников, В. В. Короткие стихи. Жарбог / В.В. Хлебников. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://stih.su/zharbog-zharbog/> (18.10.2018).

Хоменко, И. В. Дискурс эристического спора / И.В. Хоменко // Рацио.ru. – 2011. – № 6. – С. 147-161.

Шаховский, В. И. Мейотические формы отклонения от истины / В.И. Шаховский, С.С. Тахтарова // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией. – Москва: Изд-во «Индрик», 2008. – С. 334-343.

Шкловский, В. Тетива: О несходстве сходного / В. Шкловский. – Москва: Советский писатель, 1970. – 376 с.

Шопенгауэр, А. Эристика или искусство побеждать в спорах / А. Шопенгауэр. – Санкт-Петербург, 1900. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.home.arcor.de/rushbone/eristik.htm> (22.06.2018).

Эко, У. Шесть прогулок в литературных лесах / У. Эко. – Санкт-Петербург: Симпозиум, 2002. – 285 с.

Dard, F. Meurs pas, on a du monde / F. Dard. – Paris: Éditions Fleuve Noir, 1985. – 220 p.

Duras, M. Hiroshima mon amour / M. Duras. – New-York: Grove Press, 1961. – 112 p.

Kerbrat-Orecchioni, C. Les actes de langage dans le discours / C. Kerbrat-Orecchioni. – Paris.: A. Collin, 2008. – 200 p.

REFERENCES

Andramonov, D. K. Aksiologicheskie aspekty podhodov k analizu konformizma i nonkonformizma kak sociokul'turnyh modelej / D.K. Andramonov // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, – 2016. – № 4(66): v 2-h ch. Ch. 1. – С. 13-15.

Arutyunova, N. D. Yazyk i mir cheloveka / N.D. Arutyunova. – Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. – 896 s.

Vitel', E. B. Inversiya smyslov v hudozhestvennoj kul'ture XX veka: ot antropocentrizma k "Novoj hudozhestvennoj real'nosti" (na materiale tvorchestva D. Shostakovicha): avtoref. dis. ... d-ra kul'turologii / E.B. Vitel'. – Kostroma, 2010. – 50 s.

Dem'yankov, V. Z. Interpretaciya, ponimanie i lingvisticheskie aspekty ih modelirovaniya na EVM / V.Z. Dem'yankov. – Moskva: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1989. – 172 s.

Il'in, I. P. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm / I.P. Il'in. – Moskva: Intrada, 1996. – 253 s.

Karasyov, L. V. Filosofiya smekha / L. V. Karasyov.– Moskva: Rossijskij gumanitarnyj universitet, 1996. – 224 s.

Kozincev, A. G. Ob antireferentivnoj funkcii yazyka / A.G. Kozincev // Logicheskij analiz yazyka: Mezhdru lozh'yu i fantaziej. – Moskva: Izd-vo «Indrik», 2008. – S. 55-66.

Kozincev, A. G. Raznonapravlennoe dvugolosoe slovo: estetika i semiotika yumora // Antropologicheskij forum. – 2013. – №. 18. – S. 143-162.

Kondakov, I. V. Eristika v kul'ture 20 v. / I.V. Kondakov // Kul'turologiya. XX vek. Enciklopediya / Gl. red. i sost. S.Ya. Levit. T.2. – Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga, 1998. – S. 394-399.

Kondakov, I. V. "Smuta": epohi "bezvremen'ya" v istorii Rossii / I.V. Kondakov // Obschestvennye nauki i sovremennost'. – 2002. – № 4. – S. 55-67.

Kondakov, I. V. K sovremennoj filosofii istorii / I.V. Kondakov // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie». – 2017. – № 4-2. – S. 221-230.

Kosikov, G. K. «Struktura» i/ili «tekst» (strategii sovremennojsemiotiki) / G.K. Kosikov // Francuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu. – Moskva: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 2000. – S. 3-48.

Lotman, Yu.M. Avtokommunikaciya: "Ya" i "Drugoj" kak adresaty (O dvuh modelyah kommunikacii v sisteme kul'tury) / Yu.M. Lotman // Lotman Yu.M. Semiosfera. – Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB, 2000. – S. 159-165.

Rassoha, I.N. Apologiya sofistov. Relyativizm kak ontologicheskaya sistema / I.N. Rassoha. – «Elektronnaya Biblioteka Hronos», 2007. – [Elektronnii resurs]. – URL: <http://www.hrono.ru/libris/lib> (2.09.2018).

Ricoeur, P. Vremya i rasskaz/P. Riker. T. 1. Intriga i istoricheskij rasskaz / P. Ricoeur. – Moskva; Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga, 1998. – 313 s.

Ricoeur, P. Zhivaya metafora / P. Ricoeur // Horizon 2 (2). – 2013: 2. Archive / Translated by F. Stanzevskiy, ed. by G. Vdovina. – P. 106-150.

Tamrazova, I. G. Kognitivnoe prostranstvo eristiki / I.G. Tamrazova // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – 2016. – № 26. – S 85-87.

Tamrazova, I. G. Delokutivnost' kak nominativnyj mekhanizm yazyka / I.G. Tamrazova, I.A. Presnuhina // Molodoy uchenyj. – 2017. – № 11 (145). – S. 329-333.

Tamrazova, I. G. Eristicheskij narrativ kak zhanroobrazuyushchaya kategoriya hudozhestvennogo teksta (kontrastivnyj analiz) / I.G. Tamrazova // Nauchnoe nasledie V.A. Bogorodickogo i sovremennyj vektor issledovaniy Kazanskoj lingvisticheskoy shkoly. Trudy i materialy mezhdunarodnoj konferencii. – Kazan': Kazanskij federal'nyj universitet, 2018. – S. 233-237.

Freud, S. Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu / S. Freud. – Moskva: «Universitetskaya kniga», 1997. – 319 s.

Hlebnikov, V.V. Korotkie stihi. Zharbog / V.V. Hlebnikov. – [Elektronnij resurs]. – URL: <http://stih.su/zharbog-zharbog/>(18.10.2018).

Homenko, I. V. Diskurs eristicheskogo spora / I. V. Homenko // Racio.ru. – 2011. – № 6. – C. 147-161.

Shahovskij, V. I. Mejticheskie formy otkloneniya ot istiny / V.I. Shahovskij, S. S. Tahtarova // Logicheskij analiz yazyka: Mezhdru lozh'yu i fantaziej. – Moskva: Izd-vo «Indrik», 2008. – S. 334-343.

Shklovskij, V. Tetiva: O neskhdostve skhdnogo. – Moskva: Sovetskij pisatel', 1970. – 376 s.

Schopenhauer, A. Eristika ili iskusstvo pobezhdat' v sporah / A. Schopenhauer, Sankt-Peterburg, 1900. – [Elektronnij resurs]. – URL: <http://www.home.arcor.de/rushbone/eristik.htm> (22.06.2018).

Eco, U. Shest' progulok v literaturnyh lesah / U.Eco. – Sankt-Peterburg: Simpozium, 2002. – 285 s.

Dard, F. Meurs pas, on a du monde / F. Dard. – Paris: Éditions Fleuve Noir, 1985. – 220 p.

Duras, M. Hiroshima mon amour / M. Duras. – New-York: Grove Press, 1961. – 112 p.

Kerbrat-Orecchioni, C. Les actes de langage dans le discours / C. Kerbrat-Orecchioni. – Paris.: A. Collin, 2008. – 200 p.